

СЕМЕЙНЫЙ УКЛАД И ДОМАШНИЙ БЫТ КРЕСТЬЯНСТВА (СЕРЕДИНА XVIII в. - 1860-е гг.)

На протяжении XVIII в. и вплоть до 1860-х гг. в состоянии крестьянской семьи в европейской части России не произошло сколько-нибудь серьезных изменений. Порайонные колебания средней численности семей наблюдались, и выяснение причин, их вызывавших, в том числе интенсивности естественного прироста, требуют специальных исследований с учетом населенности сельских поселений и их истории, характера хозяйственной деятельности крестьян, форм феодальной ренты, владельческой принадлежности и, по всей вероятности, экономического состояния районов.

Таблица 1¹

Средняя населенность крестьянского двора в России в 1710-1858 гг.
(лиц м. и ж. пола)

Районы	1710 г.	1858 г.
1. Западный район	10,6	8,0
2. Северо-Западный район	?	6,8
3. Нечерноземный центр	7,4	6,8
4. Северный район (Поморье)	6,8	7,4
5. Поволжье	6,6	8,2
6. Черноземный центр	7,8	10,2

Более частные сведения за вторую половину XVIII в. также показывают, что на двор в среднем приходилось от 6,4 до 8 чел. обоего пола.² В первой половине XIX в. происходил дальнейший процесс развития семей малых, хотя и неразделенные семьи в ряде районов не только существовали, но иногда и доминировали. По отдельным данным

VII ревизии (1816 г.) в северных Чердынском и Пермском уездах в среде помещичьих крестьян малые семьи соответственно составляли 59 и 48%, а в Соликамском уезде у государственных крестьян - 5,3%. Однако внутри Чердынского уезда у государственных крестьян Юрлинской волости неразделенные семьи даже по данным VIII ревизии (1834 г.) все еще преобладали.³ Население Юрлинской волости уезда, считавшее себя русским и жившее в полном окружении коми-населения, вело, по-видимому, довольно замкнутую жизнь и сохраняло в быту старые традиции. В частности, традиционным оказался образ жизни крупными по составу и численности семьями даже в XIX в. Такие неразделенные семьи были преимущественно отцовского типа, хотя в более раннее время среди них преобладали семьи братские. В целом, в севернорусских губерниях - Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Пермской, а также в Новгородской и на севере Тверской губернии в XIX в. неразделенные семьи еще занимали заметное положение.⁴ Среди таких семей было много, состоящих из братьев, даже двоюродных и троюродных.

В течение XIX в. и даже во второй его половине наблюдалось существование разных типов семьи в самых различных районах, хотя малая семья занимала господствующее положение. Классический тип отцовской семьи сохранялся местами на Урале, в Тульской области, у казаков Дона, Кубани и Терека⁵, у которых обработка значительных земельных наделов требовала много рабочих рук. Такая семья, как и в предшествующее время, состояла обыкновенно из деда, сыновей, внуков, правнуков, где место старшего мужчины передавалось по наследству от отца к сыну.

Степень сохранности неразделенных семей у русских крестьян в XIX в. была различной. Семьи сложного типа (с боковым родством) в XVIII в. бытовали шире, чем в XIX в. Но в отдельных, чисто земледельческих местах среднечерноземной полосы, где особенно сохранялось крепостническое хозяйство до второй половины XIX в., неразделенные семьи сложного состава еще были нередки (Рязанская, Тамбовская губернии).⁶ Феодалная государственная и помещичья власти были заинтересованы в сохранении тяглоспособных крестьянских семей и стремились не допускать их разделов. Особенно эта тенденция прослеживалась в барщинных имениях.

В Сибири с середины XVIII в. в истории крестьянской семьи намечился новый этап - в среде старожильческого сельского населения начинались распады неразделенных семей. Такие распады, будучи уже вторичными явлениями в истории семьи, обуславливались укреплением

крестьянского хозяйства, уровнем освоенности земель и, в частности, отменой в 1760-х гг. натуральной повинности по обработке государственной десятинной пашни. Несмотря на противодействие властей, запрещавших разделы, даже по официальным данным конца XVIII - первой половины XIX в. распады неразделенных семей становились системой. В конце XVIII в. в старозаселенных тюменских и тобольских районах по-прежнему господствовала двухпоколенная малая семья, хотя ее удельный вес снизился по сравнению с первым этапом заселения Сибири XVII в.⁸

Только в отдельных районах в первой половине XIX в. в значительном количестве сохранялись неразделенные семьи (на юге Западной Сибири, в Приангарье и в Забайкалье).⁹

В Тобольской и Томской губерниях они существовали и в 80-х гг. XIX в.¹⁰, а у крестьян Приангарья и старообрядцев Забайкалья даже до первой четверти XIX в. У русского православного населения Забайкалья в середине XIX в. неразделенная семья состояла из нескольких женатых братьев, семьи насчитывали до 50 душ и объединяли 3-4 поколения.¹¹

Семейный строй русских крестьян XIX в. нашел отражение, как и в предшествующее время, в бытовавших терминах родства и свойства. Для обозначения родственников по прямой и боковым линиям употреблялись названия: отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, дед, прадед, бабушка (баба, бабка), прабабушка, внук, племянник, племянница, дядя, тетя. Свойственников называли: отчим, мачеха, пасынок, падчерица, невеста, жених, муж, жена, свекровь, свекор, сноха (невестка), тещь, теща, зять, деверь, золовка, ятровь, шурин, свояк, свояченица и т.д.¹² Родственники и свойственники различаются на родные и богоданные.¹³ В целом система родства в XIX в. прослеживается та же, что и в предшествующее время (XVII - XVIII вв.), лишь все более упрочивались однозначные обобщающие понятия, характерные для семьи малой и малого родственного круга. Некоторые термины в XIX в. еще более унифицируются. Название сноха применяется в значении жена сына, жена брата, жена брата мужа, жена племянника, жена внука; название зять - для обозначения муж дочери, муж сестры, муж сестры жены, муж племянницы, муж внучки и т.п.¹⁴

Другие же термины бытуют в их архаическом понимании: своячина (сваяченица в Пермском уезде 1816 г., например). Родство при сводных браках обозначается общеупотребительными терминами - мачеха, пасынок, падчерица (Пермский, Соликамский уезды 1816 г.).

Целые классы родственников объединяются общими терминами: родители, батюшка, матушка (родители мужа и родители жены), сестры,

братья, племянники. По-прежнему не различаются дядья и тетки по отцовской и материнской линиям. Невестки и золовки могут обозначаться одним термином.

Многие наименования родственников в обрядовых действиях перестают употребляться, заменяясь метафорическими понятиями (например, в русских похоронных причетах).¹⁵ Некоторые свадебные группировки и чины, которые когда-то входили в число семейного родового коллектива, теперь исчезают. Остаются лишь сваты, сватьи, дружки, которыми могли быть некоторые родственники (деверь или брат мужа - дружкой; шурин или брат жены - швагер - выводил на свадьбе невесту к жениху, продавал, покупал ее, т.е. был распорядителем ее судьбы; крестный отец жениха - тысяцким на его свадьбе).¹⁶

В общем, архаичности в терминах родства остается мало. Все более унифицируясь, они отражают дальнейшее сужение родственных связей в результате утверждения на господствующих позициях малой семьи и перехода неразделенной семьи в ее последнюю стадию существования.

Численный состав крестьянской семьи зависел не только от ее структуры, числа поколений, но и числа детей. В настоящее время судить о детности в крестьянских семьях в XVIII - первой половине XIX в. можно на основании только отдельных данных. По ревизским сказкам 1711 г. в Чердынском уезде, например, можно увидеть, что у 75% брачных пар было по 1-2 ребенка м.п. По численно ограниченному данным о числе детей в крестьянских семьях северных уездов, приведенным в ревизских сказках 1816 и 1834 гг., можно судить, что в Пермском и Соликамском уездах в 1816 г. соответственно среди 194 и 297 супружеских пар 1-2 ребенка было в 120 (61,9%) и 160 (53,8%) семьях; 3-4 ребенка имели 53 (27,3%) и 109 (36,7%) пар; многодетные семьи, имевшие 5-8 детей, составляли 11,8% и 9,5%. Приблизительно такое же соотношение прослеживается среди 122 семей государственных крестьян в Чердынском уезде в 1834 г. (у 53,3% всех пар - 1-2 ребенка, у 35,3% - 3-4 ребенка и у 11,4% - 5-8 детей).¹⁷

Какую-либо закономерность в брачном возрасте у крестьян разных групп установить трудно. По учтенным по ревизским сказкам Чердынского уезда 1711 г. 149 браков видно, например, что только треть мужчин женилась в возрасте от 21 до 30 лет; значительно чаще они вступали в брак в возрасте 31-40 лет.¹⁸ По данным ревизии 1816 г. основная часть браков в среде помещичьих и государственных крестьян (в том числе старообрядцев) Чердынского, Пермского, Соликамского уездов заключалась как мужчинами, так и женщинами в возрасте от 21

до 30 лет (от 53 до 66% мужчинами и от 61 до 66% женщинами). В более молодом возрасте браки заключались реже (от 14 до 27% мужчин и от 13 до 28% женщин). Обращает на себя внимание крайняя малочисленность более поздних браков (от 31 до 40 лет) среди старообрядцев Чердынского уезда. тогда как у помещичьих и у государственных крестьян Пермского и Соликамского уезда такие браки не были редкостью (17-21% у мужчин, 13-21% у женщин).¹⁹ Как ранние, так и поздние браки объяснялись волей родителей. В одних случаях родители стремились к ранним бракам детей, когда, исходя из хозяйственных соображений, в дополнительных рабочих руках была заинтересована семья жениха, а родители девушки старались отдать ее раньше замуж. Чтобы "не засиделась". В иных же случаях, цена каждого работника в семье, родители старались выдать замуж дочерей как можно позже, и в результате нередко в создавшихся семьях жены были старше мужей. У старообрядцев Чердынского уезда по выявленным данным ревизии 1816 г. такие браки даже преобладали (59%). В Пермском уезде по таким же данным в 146 семьях помещичьих крестьян в 57 случаях жены были старше мужей, а в Соликамском уезде в 217 семьях государственных крестьян это наблюдалось в 67 семьях, причем иногда возраст жен превосходил возраст мужей на 10 и более лет; ровесниками мужа и жены бывали не часто (5-9% семей). В очень раннем возрасте (12-16 лет) в Чердынском, Пермском и Соликамском уездах вступали в брак редко; на 1826 г. там по данным 361 семьи в такие браки вступили 14 мужчин и 15 женщин.

В помещичьих имениях среднерусской полосы осуществлялся надзор за своевременным вступлением в брак. Во многих имениях в XVIII - первой половине XIX в. незамужние девушки после 15-20 лет и вдовы до 40 лет облагались налогом. Обязательным был брак и для вдовцов до 50 лет. Нарушение этих предписаний влекло за собой штрафы и наказания. Случалось, что брачные пары составлялись по решению мирских сходов или по приказанию помещиков. Со своей стороны, крестьяне стремились заключать родственные связи между семьями, одинаковыми по достатку. Этот обычай ограничивал внутри поместий возможность вступления в брак.²⁰ Кроме того, особенно в небольших имениях, где значительная часть крестьян находилась в отношениях родства или свойства, заключению браков препятствовали канонические ограничения. Поэтому помещики-соседи договаривались между собой о том, чтобы их крестьяне могли искать невест для своих сыновей за пределами имений в ближайших селениях; практиковалось также помещиками переселение девушек и вдов из одной своей волости в

другую.²¹ Судя по метрическим книгам за 1774-1780 гг., составленным в больших имениях Строгановых, расположенных в Чердынском и Пермском уездах, крестьянские брачные связи устанавливались преимущественно внутри одного прихода, в состав которого входило несколько деревень (в разные годы от 46 до 77% всех заключенных браков); нередко такие связи устанавливались между крестьянами разных приходов (от 7,7 до 37,8% браков), значительно меньше - внутри одной деревни (не более 19% браков), и совсем редко - между жителями разных уездов.²²

Смешанные в этническом отношении браки совершались в сельской местности, где жило смешанное население, или в местах этнических границ расселения разных народов. Там, где этнически однородное население жило компактно с тесными внутренними связями, смешанные браки были редки (в русских селах Украины, у русских старообрядцев Прибалтики, Поволжья, Забайкалья). Тем не менее, смешения случались и там. Так, у семейских в Забайкалье, у которых запрещались браки даже с русскими, принадлежавшими к разным толкам и согласиям старообрядчества, совершались браки с соседними бурятами, к чему побуждали малочисленность русского населения в этих местах и зарождавшиеся хозяйственные связи с бурятским населением.²³ Старообрядческое население Пермской губернии вступало в смешанные браки и соседними нерусскими народами. Такие браки отмечались у русских и коми крестьян в Чердынском уезде. Об этом свидетельствует распространение одинаковых фамилий в русских деревнях; по описаниям ревизии 1816 г.²⁴ русская старообрядческая деревня Лекмортово и коми деревни Зюлева и Фофанова были однофамильными. Подобное явление отмечалось и в Юрлинской волости Чердынского уезда, где русское православное и старообрядческое население также смешивалось с коми.²⁵ Смешениям способствовало и постепенное территориальное расширение круга брачных связей. В ряде мест брачный круг расширялся, причем в Европейской части страны он охватывал селения примерно в радиусе 10 км, в Сибири - 40-50 км.²⁶ Так, о расширении брачных связей крестьян Чердынского уезда и соседнего Пермского уезда в 1816 г. можно судить, исходя из распространенности одних и тех же фамилий в различных деревнях.²⁷

Бытовали различные формы заключения брака. Повсеместно решающее значение отдавалось традиционному свадебному обряду. Церковное венчание было обязательным, но оно не играло главной роли в свадебном обряде. У русского населения Сибири церковное венчание

считалось обязательным, но совершалось не всегда, поскольку церкви были нередко слишком удалены от многих населенных мест; к тому же процветало взяточничество церковного штата, и немногие крестьяне могли заплатить его “поборы”.²⁸ У старообрядцев Забайкалья случались невенчаные браки при заключении браков, смешанных в социальном или этническом отношении (с бурятами).²⁹

Условия и время заключения брака определялось во время так называемого сговора (малого зачина), происходившего в предсвадебный период. Окончательное закрепление сватовства совершалось во время рукобитья (большого запоя, запивания). И сговор, и рукобитье имели значение правового юридического начала в оформлении брака. После них расторгнуть брак было невозможно, кроме исключительных случаев, когда нарушившая сговор сторона должна была расплачиваться за “бесчестье” путем возмещения убытков. При заключении брака почти повсеместно была распространена так называемая “кладка” - взнос жениха на свадебные расходы и наряды невесты. Этот обычай сохранял черты древнего свадебного выкупа - “вена”. Размер кладки, как и приданого, зависел от достатка семей, имел престижный характер, поэтому крестьяне старались заключать браки в одинаковой в имущественном отношении среде. Обычно кладку составляли вещи, деньги для свадебных расходов, скот. Хотя сам выкуп возник рано, деньги и скот в нем - явление позднее.³⁰ Выкуп был связан с дарами, а не платой за невесту, чем он был в древнее время. Он не был повсеместным; у русских крестьян в Сибири он появился не везде и поздно - после XVIII в.³¹ В помещичьих имениях деньги за крепостных невест получали помещики, когда девушки выдавались замуж в вотчины других феодалов. Архаика этого обычая сохранилась в термине “кунишные деньги”. Семья такой невесты, в свою очередь, получала также выкуп от жениха.³²

По материалам первой половины XIX в. значительно конкретнее, нежели по ограниченным данным XVII - XVIII вв., прослеживается зависимость между хозяйственно-имущественным положением крестьянских дворов и составом семей. Исследование И. Д. Ковальченко, основанное на подворных описях нескольких десятков имений средней полосы России, не оставляет сомнений в том, что средняя численность мужчин, приходящаяся на один двор, существенно отличалась у бедного, среднего и зажиточного крестьянства, как барщинного, так и оброчного. О хозяйственных возможностях семейной корпорации можно судить по процентному соотношению внутри отдельных имений дворов и проживающих в них лиц мужского пола, принадлежавших к

разным в материальном отношении группам крестьянства.³³ Повсеместно в среде бедного крестьянства доля дворов была выше доли мужского населения, а в среде зажиточного - наоборот, доля дворов ниже мужского населения.³⁴ В некоторых имениях это соотношение проявлялось очень резко. Так, в Ивеньском имении Мордвиновых в 1837 г. безлошадные и однолошадные дворы составляли 8,5%, а мужское население в них только 1,9%, тогда как дворов с пятью и более лошадьми было 56,1%, мужское население которых достигало 74,7%.³⁵ В 1857 г. в Алексеевском имении Чаадаевых и Глинищенском Чемисовых доля мужского населения в зажиточных дворах вдвое и даже более превышала долю этих дворов.³⁶ В среде имущественно среднего крестьянства населенность дворов чаще, но далеко не повсеместно, в процентном отношении превышала долю дворов. Иначе говоря, средняя населенность дворов неуклонно повышалась в более состоятельных группах крестьянства; одновременно повышалась и доля работников в семье, на труде которых как в оброчной, так и в барщинной деревне базировалось хозяйство подавляющей части даже зажиточных крестьян.³⁷

На протяжении второй половины XVIII - первой половины XIX в. в русской деревне неуклонно сохранялось представление об общности семейного имущества; оно бытовало даже среди крестьянства, втянутого в отход. Сложившаяся система обычноправовых имущественных норм прежде всего предусматривала обеспечение функционирования отдельного деревенского хозяйства - двора. Поэтому при семейных разделах нетрудоспособные и нетяглые члены семей не имели права на определенную долю имущества, прежде всего недвижимого; только в первой половине XIX в. под влиянием государственного законодательства на вдов и дочерей начало распространяться право на получение определенной части имущества. Такие члены семей обладали только правом на обеспечение их существования, в частности, в случае выдела их обеспечивали жильем и минимальнейшими средствами для самостоятельного существования (корова, право использования части огорода и т.п.).

Понятие о личной собственности на то или иное имущество в крестьянской среде развивалось медленно. Только в конце XVIII - начале XIX в. стала изживаться семейная общность одежды, причем личные права распространялись прежде всего на одежду праздничную, сшитую или приобретенную для того или иного члена семьи. Исключение составляло только приданое, которое приносила жена в семью мужа. По обычаю приданым девушка обеспечивалась отцом, а в

случае его смерти - братьями. Приданое было личной собственностью женщины, оно не включалось в общесемейное добро, наследовалось детьми по женской линии; если у женщины не было детей, то после ее смерти оно возвращалось ее родителям, братьям или оставалось у мужа. В Сибири приданое у русских крестьян могло наследоваться детьми обоого пола. Личное распоряжение имуществом, т.е. распоряжение по завещанию могло быть и в ином случае, когда в семье не оставалось наследников, могущих возглавить тягло. При этом обстоятельстве отец или мать-вдова могли передать любое имущество, кроме тяглой земли, любому родственнику вне зависимости от степени родства с ним, минуя более близких себе по родству, например, сыновей, на том основании, что они при выделе ранее получили свою семейную часть.³⁸

При общей собственности на двор и имущество, в нем заключенное, а также общей кассе, куда поступали заработки членов семьи, возглавлял семью обыкновенно старший по возрасту и положению в семье мужчина, обладавший властью над остальными членами семьи.³⁹ Он назывался большак, набольшой, старшой. Основной функцией большака было управление хозяйственной деятельностью семьи, распоряжение трудом ее взрослых членов. Но его власть в некоторых случаях была ограниченной. Так, он считался с мнением семьи в вопросе о браке молодых членов. По отношению к семейному имуществу он был в большей степени его распорядителем и в случае "расточительства" по решению общины мог быть поставлен под контроль его жены.⁴⁰ Наряду с большаком, неразделенную семью возглавляла и старшая женщина - большуха, старшая. В ее ведении было домашнее хозяйство, которое вели женщины.

Большак и большуха исполняли свои функции, как правило, пожизненно. Большак распределял обязанности, главным образом, между мужчинами, имел право с согласия их приобретать и отчуждать имущество. В случае неповиновения кого-либо из семьи мог налагать взыскания и даже изгнать из дома и лишить права на семейную долю имущества.⁴¹ Обычно глава семьи пользовался уважением и почитался остальными родственниками. Старшая женщина, обычно жена главы семьи, была относительно свободной в хозяйстве и нередко советницей в делах мужа. Ей подчинялся весь женский состав семьи, исполнявший все домашние работы. В ведении матерей и других женщин неразделенной семьи находились дети.

Зависимыми от свекра и свекрови были снохи.⁴² Они выполняли не только общую работу по дому, но и должны были заботиться об удовлетворении нужд своих детей и мужа. У снох было отдельное

имущество, состоявшее из приданого и личных доходов от продажи каких-либо продуктов. В собственности снох и вообще женщин в семье были деньги и имущество, полученное ими в наследство. Из общесемейных средств на нужды снох и их детей ничего не тратилось. Женщины имели лишь пай из общесемейного запаса шерсти, льна, конопли. Даже само приданое дочери нередко изготовлялось на "бабьи заработки". В неразделенной семье, если сноха-вдова оставалась с сыновьями, то ей переходил пай покойного мужа, а если с девочками, то передача пая зависела от воли свекра. В малой семье вдова могла возглавлять хозяйство до ее раздела с сыновьями, после чего или оставалась с одним из них, либо поселялась отдельно, обеспечивалась ими жильем, скотом, зерном и деньгами. Незавидной в неразделенной семье была участь бездетных снох. Если они не возвращались к родителям или не выходили замуж вторично, то жили в семьях мужей на правах подворниц (батрачек), которых кормили за работу. Рекруты вытеснялись из семейного имущества своими братьями. По возвращении со службы обычно они не получали доли семейного имущества, если же такое выделение имело место, то оно зависело от желания родственников. Поэтому положение солдаток было особенно трудным и щекотливым, особенно в неразделенных семьях.

Таким образом, рассмотренные материалы свидетельствуют, что в русской крестьянской среде в то время бытовали семьи, разные по форме. Господствующей везде становилась малая семья, состоявшая из двух поколений: родители-дети. Наряду с этой формой, местами сохранялись семьи неразделенные в различных вариантах: отцовские (деды-отцы-сыновья-внуки, отцы-сыновья-внуки), братские (женатые братья с семьями, холостые братья, холостые и женатые братья и т.п.) и семьи с боковым родством (дядья-племянники). Семьи сложного состава с включением прямых и боковых родственников, свойственников и различного рода приемных членов в XIX в. были распространены гораздо реже, чем в предшествующие времена.

В семьях неразделенных в XIX в. еще сохранялись черты, присущие таким семьям раннего времени, особенно во внутреннем укладе, во взаимоотношениях членов. В малых же семьях начинали вызревать моменты, отличные от жизненного уклада старых патриархальных семей, хотя в ряде случаев и малая семья сохраняла прежние жизненные устои, особенно в среде зажиточных крестьян или в старообрядческих семьях.

Повсеместно у крестьян России семья проходила один путь развития, все более упрощаясь и нивелируясь и сохраняя отличительные

особенности не по своей форме, а по численности. иногда по структурно-поколенному составу.

Примечания:

1. Водарский Я.Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России в XVI-XVIIв.//Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии.М., 1974. С.122, 123.
2. Там же. С.123.
3. ГАПО. Ф.111. Оп.3. Д.40. Л.16 об-17, 51 об-57, 91 об-92, 198 об.-231, 432 об.-444. Ф.111. Оп.1. Д.2221. Л.4-87, 286-231. Д.2369. Л.1-237.
4. Чистов К.В. Русская причеть.//Причитания. Л., 1960. С.137, 140-141.
5. Пономарев С.М. Семейная община на Урале.//"Северный вестник". 1887. В.1; Болотов А.Т. Жизнь и приключения. Т.4. Спб., 1978; Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону.//Материалы для обычного права. В.1. М., 1885. С.17, 68, 69, 244; Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М.,1967.С.207; Заседателява Л.Б. Терские казаки (середина XVI - начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974. С.288, 294.
6. Народы Европейской части СССР. Ч.1. М., 1964. С.463.
7. Александров В.А. Сельская община в России (XVII - начало XIX в.). М., 1976. С.15, 90, 93, 95, 300-302.
8. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVII-первой половине XIX вв.). Новосибирск, 1979. С.51-53, 57-64, 70; Бояршинова З.Я. Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода//Вопросы истории Сибири. Вып.3.Томск,1967.С.16-18;ВласоваИ.В. Структура и численность семей русских крестьян в Сибири в XVII - первой половине XVIII вв.//СЭ. 1980, N3. С.44-45.
9. Власова И.В. Указ.соч. С.45; Миненко Н.А. Указ.соч. С.54, 55, 71, 72.

10. Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях. Спб., 1894. С.4.
11. Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья. его хозяйственного и семейного быта (XIX начала XX в.).//Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С.157-161; Болонев Ф.Ф. Хозяйственные и бытовые связи семейских с местным и пришлым населением Бурятии XIX и начала XX в.//“Этнографический сборник”. В.6. Улан-Удэ. 1974. С.58, 61; Он же. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX - начало XX в.). Новосибирск. 1978. С.32-33.
12. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
13. Чистов К.В. Русская причеть...С.142.
14. Шаранова И.М. Терминология родства в рязанских говорах. М., 1977. С.11.
15. Чистов К.В. Русская причеть...С.12-13.
16. Лавровский П. Коренное значение в названиях родства у славян//Сб.ст., читанных в ОРЯС. Т.2. N3, Спб., 1867. С.70, 77; Боголепов К.И. Свадебный обычай.//“Живая старина”. 1899. В.3. С.388.
17. ГАПО. Ф.111. Оп.1. Д.2357. Л.4-7. 119 об-125 об; д.2221. Л.4-87; д.2369. Л.1-237; Оп.3. Д.40. Л.16 об.-444.
18. ГАПО. Ф.111. Оп.1. Д.2357.
19. ГАПО. Ф.111. Оп.1. Д.40. 2221, 2369.
20. Александров В.А. Сельская община...С.303-309.
21. Там же. С.307-308.
22. ГАПО. Ф.37. Оп.4. Д.1. Л.4-11об.
23. Болонев Ф.Ф. Хозяйственные и бытовые связи...С.57, 61; он же. Народный календарь...С.11, 12, 35.
24. ГАПО. Ф.111. Оп.3. Д.40. Л.432 об-448; оп.1. Д.2221.
25. Архив Института этнографии. Пермский отряд. полевые записи 1978 г.
26. Жомова В.К. Материалы по изучению круга брачных связей в русском населении.//“Вопросы антропологии”. 1965. В.21. С.113.
27. ГАПО. Ф.111. Оп.1.Д.2363.

28. Миненко Н.А. Брак у русского крестьянства и служилого населения юго-западной Сибири в XVIII - первой половине XIX в. //СЭ. 1974. N 4. С.52.
29. Болонев Ф.Ф. Хозяйственные и бытовые связи...С.62; Народный календарь...С.35.
30. Пилипенко М.Ф. Свадебные обычаи славянских народов во второй половине XIX в. - начале XX в. (выкуп и приданое). // "Вопросы истории", 1977, N 4. С.114-117.
31. Миненко Н.А. Свадебные обряды у русских крестьян Западной Сибири в XVIII - первой половине XIX в. //СЭ. 1977, N 3. С.95.
32. Александров В.А. Сельская община...С.306.
33. Об этом методическом приеме см. - Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.3. С.136.
34. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. Таблицы 21, 24, 27, 30, 33, 39, 45. С.126, 127, 136, 149, 166, 184, 185, 204, 228, 229.
35. Там же. Таблица 27. С.149.
36. Там же. Таблица 39. С.204.
37. Там же. С.124, 140, 141, 153.
38. Александров В.А. Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крепостной деревне XVIII-начале XIX вв. // "История СССР", 1979, №6. С.47-54; Миненко Н.А. О наследовании у сибирских крестьян в XVIII - первой половине XIX в. // "Бахрушинские чтения 1974 г.". Новосибирск.гос.ун-т, 1974. С.132.
39. Александров В.А. Сельская община...С.294-295.
40. Там же. С.296.
41. Там же. С.295-296; Александров В.А. Семейно-имущественные отношения...С.40, 41.
Александров В.А. Сельская община...С.295.